

О КАЗАРНОВСКОМ Ю. А. — во ВЦИК

КАЗАРНОВСКИЙ Юрий Алексеевич, родился в 1905. Получил среднее образование. Начинаящий писатель, с 1923 — первые публикации в газетах и журналах. 19 декабря 1927 — арестован в Ростове-на-Дону как «участник контрреволюционной организации». 25 июня 1928 — приговорен к 5 годам концлагеря и 11 июля отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

В июле 1928 — в Президиум ВЦИКа обратилась с заявлением его мать, Анна Ивановна Казарновская.

<7 июля 1928>

«В Президиум Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета.

Матери осужденного Казарновского
Юрия Алексеевича — Казарновской
Анны Ивановны, проживающей в
гор. Ростове н/Д, по 3-й линии № 28

Заявление

Сын мой, Казарновский Юрий, 23-х лет, был арестован 19-го декабря 1927 года в городе Ростов на Дону органами ППГПУ по Северо-Кавказскому Краю, причем, ему было предъявлено обвинение по пунктам 4 и 11 статьи 58 Уголовного Кодекса. Постановлением Северо-Кавказского ПП ГПУ, утвержденным Коллегией ОГПУ СССР от 25/VI-28 года он приговорен к заключению в концентрационном лагере в Соловках сроком на 5 лет. 11-го июля сего года мой сын отправлен по этапу из Ростова в Соловки.

Таким образом, сын мой признан виновным в участии в контрреволюционной организации, стремящейся к разрыву советского строя.

Жизнь моего сына проходила изо дня в день на моих глазах. Мой Юрий — начинающий писатель и работал 3-4 года в местных газетах и журналах. Он вырос в годы революции и отдал все свои молодые силы и свое дарование на служение ей. По своему духовному облику он представляет из себя человека новой пролетарской формации, который в рядах пролетарской молодежи работал над постройкой нового быта своим орудием — пером молодого писателя и журналиста.

Его отец прослужил 32 года на железной дороге и умер в 1924 году от переутомления на должности Начальника коммерческой части СКОПСа. Занимая такую же должность в Сибирском Округе путей сообщения, мой муж единственный из сотрудников остался на своем посту при занятии Томска советскими войсками и сохранил имущество дороги, тогда как остальной начальствующий состав бежал.

Когда я узнала, в чем обвиняют моего сына, то была совершенно спокойна, так как твердо знала и знаю сейчас, что обвинение его в контрреволюционной деятельности есть полная небылица и что это обвинение могло быть вызвано лишь ошибкой. Я спокойно ждала окончания следствия, надеясь, что в ближайшее время невинность моего сына будет обнаружена, и он вернется на свободу.

Но следствия не было.

За 7 месяцев пребывания под стражей в ГПУ он был допрошен один раз в течение пяти минут по поводу того, был ли он знаком с некоторыми молодыми людьми. Он ответил, что одних из названных ему лиц он знал,

других нет. Его спрашивали также об одном литературном вечере, где он читал свой рассказ, впоследствии напечатанный в местной комсомольской газете. И это все. Больше допросов не было.

Ему даже не было предъявлено обвинение, он не знал, в чем его обвиняют и против чего ему нужно оправдываться. Он так и не имел возможности ознакомиться с тем, на основании каких же материалов или свидетельских показаний ему предъявлено такое страшное обвинение.

И вот теперь он признан виновным в тягчайшем из преступлений против Республики, в преступлении, ставящем его на одну доску с непримиримыми контрреволюционерами и врагами трудящихся, как шахтинские вредители и др<угие>.

Где же правда?

За что обрушилась на голову бедного моего сына такое непоправимое и незаслуженное несчастье.

У него туберкулез легких, и ссылка на крайний север неминуемо убьет его.

Я обращаюсь теперь в высший орган Республики за справедливостью и милосердием.

Прошу внять голосу матери, у которой взяли на гибель ни в чем неповинного сына, и пересмотреть это дело, чтобы исправить, пока не поздно, эту страшную ошибку и тем предотвратить возможность других ошибок, подобных этой <...>¹.

В июле 1928 — к Максиму Горькому обратился сам Юрий Казарновский с просьбой о помощи.

<7 июля 1928>

«Многоуважаемый Алексей Максимович.

Совершенно фантастические, чудовищно-нелепые обстоятельства, грозящие мне гибелью, заставляют меня обратиться к Вам за помощью.

Мне уже неоднократно приходилось обращаться за помощью к Вашим книгам: то было в моменты усталости и неверия.

На этот раз мне, к сожалению, приходится беспокоить не страницы Ваших книг, а Вас лично.

Мне 23 года. Я — начинающий писатель.

Я вырос в годы Революции. И вне ее не мыслил жизни и творчества.

Я был, по-своему, счастлив.

Революция мне открывала сказочно радостные пути для новых, еще неизведанных форм творчества.

И я работал, ища их.

Иногда, кажется удачно (так, по крайней мере, говорил мне несколько знающий меня Е. И. Замятин).

И вдруг огромное, тяжелое, почти смертельное несчастье лишило меня всего: всех путей и надежд.

19 декабря 27 г<ода> я был арестован Ростовским ГПУ. Мне была предъявлена статья 58 п<ункты> 4 и 11 УК — «участие в к<онтр>р<еволюционной> организации».

Я отнесся к этому более или менее спокойно, ожидая, что следствие выявит мою полную непричастность к неведомой мне организации.

Но следствия не было.

На единственном 5-ти минутном допросе я так и не понял, в чем меня обвиняют.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 520. С. 304. Машинопись, подпись — автограф.

Сначала мне показалось, что за ор<ганиза>цию ошибочно приняты 3 домашних литературных вечера до неприличия юной молодежи. Мое участие в каковых выразилось в прочтении главы из повести, через две недели после этого напечатанной в газете "Большев<истская> Смена".

Меня также спросили об одной нелепой шутке, бывшей на одном из вечеров.

Заклучалась она в следующем: ряд лоботрясов, желая смутить и испугать тихого и робкого хозяина квартиры, крикнули:

1-й: "Боже, Царя храни" (только эти три слова).

2-й: "В 12 часов Ростов будет взорван".

3-й (читавший уголовный роман): "Черный Билль сделал свое дело".

После чего все об этой шутке забыли.

Пародийность и шуточность этих фраз, я думаю, очевидны для всякого нормального человека.

Меня также спросили: знаком ли я с рядом лиц.

С некоторыми я был знаком, с некоторыми нет.

В этом заключался весь допрос. Было задано также несколько, не имеющих вовсе отношения к ГПУ, вопросов: "Слышал ли я, что "Русский Современник" возобновится", "Как я отношусь к прол<етарской> литературе" и т. д.

Я ждал дальнейших допросов. Надеюсь из них, наконец, понять, в чем же здесь дело.

Но их не было.

Предположение о том, что за к<онтр>р<еволюционную> ор<ганиза>цию приняты эти лит<ературные> вечера отпало, т<ак> к<ак> половина их участников оказались свободны и даже не допрошены.

Тогда я совершенно перестал понимать что-либо.

В тюрьме я встретил ряд незнакомых мне лиц, которые оказались "со мной по одному делу".

Я мучился длительным тюремным заключением (около 7 мес<яцев>), но зная о полной своей непричастности ни делом, ни помыслом, ни каким к<онтр>р<еволюционным> деянием, со дня на день ждал освобождения.

6-е июля принесло мне неожиданный и ужасный удар: я получил приговор — 5 лет Соловков.

Дорогой Алексей Максимович, я в отчаянии, я не знаю, что делать, к кому взывать о помощи.

Получив 5 лет Соловков, я, не имея ни следствия, ни суда, на котором я мог бы доказать свою невиновность, до сих пор не знаю:

1. За что я осужден.
2. Какое мне инкриминируется преступление.
3. К какому времени оно относится.
4. На основании каких данных я осужден.

Ведь нельзя же назвать следствием один 5-ти минутный допрос, не содержащий ни одного прямого вопроса по обвинению. Допрос, на котором я не знал, как мне надо доказывать свою невиновность, т<ак> к<ак> не знал, какая виновность мне инкриминируется. Да и не знаю этого и сейчас.

За что же и ради чего я должен погибнуть.

Да и не я один. У меня есть мать, у которой я единственный сын, и которая теперь остается совсем одна (отец мой умер).

У меня туберкулез легких, и Соловки будут безусловно моей последней поездкой.

А главный ужас всего этого то, что это никому не нужно.

Государство посылает человека на гибель, искренне ему преданного и ни в чем перед ним невиновного.

Происхождение мое: на дворянское и не буржуазное. Сын жел<езно>дор<ожного> служащего. С 16 лет я работаю в различных совет<ских> редакциях. Никогда ничем скомпрометирован не был.

Кому же нужна моя ничем не оправдываемая гибель.

Гибель, вызванная халатностью Ростовского следственного чиновника, не потрудившегося заняться следствием и введшего в заблуждение Коллегию ОГПУ.

Родной Алексей Максимович, умоляю Вас помочь мне.

Я надеюсь, что Вы обратите на этот "случай" внимание органов, следящих за выполнением революционной законности.

Всякая проверка следствия, всякий обстоятельный допрос сейчас же снимут с меня грязную кличку "контрреволюционера" и спасут меня и мать.

Простите, дорогой Алексей Максимович, что я беспокою Вас этим письмом, но ведь очень больно так бесполезно, жалко и позорно гибнуть 23-х лет.

23-х лет, когда еще ничего не сделано, но столько задумано.

И столько хочется сделать.

Ведь впереди еще столько невиданного, непрочитанного и ненаписанного.

Еще раз повторяю, дорогой Алексей Максимович, что мне очень стыдно беспокоить Вас, но умоляю: помогите мне, если это возможно.

Уваж<ающий> Вас Ю. Казарновский.

7/VII-28 г<ода>.

Адрес моей матери:

Ростов н/Д, Нахичевань

3-я линия, д<ом> 28.

Анна Ивановна Казарновская»².

В 1952 — находился в Алма-Ате, по воспоминаниям, в очередной раз был выставлен за нехваткой мест из психиатрической больницы, ночевал на скамейках в городском саду. В середине 1950-х — в Москве.

---

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 520. С. 305-306. Машинопись, подпись — автограф.